

АЛЕКСАНДР АНЦИФЕРОВ

Родился в 1945 году. Профессиональный журналист: репортер районной газеты, студент факультета журналистики МГУ, корреспондент «Комсомольской правды», собственный корреспондент газеты «Труд» в ФРГ, главный редактор корреспондентской сети Гостелерадио СССР, политический обозреватель ТАСС. Участвовал в создании и руководил парламентским телевидением Государственной Думы. Принимал участие в освещении событий в «горячих точках» бывшего Советского Союза и за рубежом. Автор нескольких телефильмов.

* * *

Решением жюри конкурса на премию Артема Боровика **Анциферов Александр Николаевич** награждается дипломом Артема Боровика «Честь. Мужество. Мастерство» за книгу «Функция Бонапарта».

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД
имени Артема БОРОВИКА

РАССЛЕДУЮТ ЖУРНАЛИСТЫ

Глава III

РАЗВОД ПО-СОВЕТСКИ

Разумеется, происходившие в советском обществе и в самой элитной среде процессы нельзя рассматривать просто как результат заговора или происков агентов влияния. Хотя на определенных, особенно завершающих, этапах элементы сговора и координации действий, несомненно, были, как было и прозападное политическое лобби. Заговор, по сути дела, был в этой ситуации излишним: сама сила и мощь корпоративных интересов, а также властные возможности эти интересы реализовать делали термидор не только процессом объективным, но и неизбежным.

К его завершению 18-миллионная Коммунистическая партия Советского Союза была чем угодно, только не партией. И хотя подавляющее большинство коммунистов были честными и порядочными людьми, искренне верившими или уговорившими себя, что они «строят коммунизм», ключевые посты в экономике и политике номенклатура вручила своим наиболее надежным ставленникам.

Видеть в этих людях перерожденцев — значит очень сильно заблуждаться. Они всегда были такими, каковы они сейчас. Но все они и подобные им оказались в нужный для номенклатуры момент в нужном месте и отведенные в театре термидора роли сыграли «на бис». Занятно сегодня читать их пафосные признания, будто бы чуть ли не главной целью их жизни было уничтожение коммунистической системы, и сетования на то, насколько опасным и рискованным было это многотрудное дело. Точно так же, наверное, чувствовал себя героем вождь французского термидора Баррас, сумевший лестью, ложью и демагогией усыпить бдительность Робеспьера и отправить его на гильотину.

На самом деле, они, в отличие от Барраса, ничем не рисковали. Эпоха Робеспьера в Советском Союзе завершилась со смертью Сталина — безвозвратно и бесповоротно за 30 с лишним лет до того, как советский термидор стал свершившимся фактом.

В последние пять лет своего существования Советский Союз превратился в арену грандиозной инсценировки под названием

«перестройка». Шумели съезды народных депутатов, больше смахивавшие на митинги, а не на заседания органов власти. Шахтеры на митингах выдвигали ультиматумы, больше похожие на решения органов власти — окончательные и не подлежащие обсуждению. Пресса и телевидение заходились в экстазе от скандальных разоблачений.

А в это время в подмосковной резиденции первого и последнего советского президента «в закрытом режиме» шел «ново-огаревский процесс». Официально его участники — все сплошь члены Политбюро и главы союзных республик — занимались разработкой и подготовкой к подписанию нового союзного договора. Очевидно, существовавший на тот момент status quo в виде Союза Советских Социалистических Республик их не устраивал: делили общесоюзную собственность, что на бюрократическом языке именовалось «перераспределением и разграничением полномочий».

Где доказательства? — спросите вы. Прямых доказательств не будет еще очень долго, если они вообще когда-нибудь появятся в виде стенограмм ново-огаревских посиделок. Однако кое-что можно предъявить уже сегодня.

Мне в руки попала копия секретного постановления Политбюро ЦК КПСС «О производственно-хозяйственной деятельности партийных комитетов и партучреждений» от 11 июля 1991 года.

В нем, в частности, говорится:

«1. Предоставить ЦК компартий союзных республик, республиканским, краевым, областным комитетам партии право самостоятельно решать вопросы организации не противоречащей интересам политической работы производственно-хозяйственной деятельности, включая создание, реорганизацию и ликвидацию в установленном порядке предприятий и хозрасчетных организаций.

Установить, что имущество, находящееся в управлении ЦК компартий союзных республик, республиканских, краевых, областных комитетов партии и партийных учреждений, может ими передаваться в пользование или полное хозяйственное ведение, а также в качестве своего вклада в учреждаемые предприятия и хозрасчетные организации с сохранением права на общепартийную собственность.

2. В целях выполнения решения январского (1991 года) объединенного Пленума ЦК и ЦКК КПСС, ЦК компартий союзных республик осуществить в 1991—1992 годах практические меры по последовательному сокращению дефицита партийного бюджета и переходу на самофинансирование за счет развертывания производственно-хозяйственной деятельности, по эффективному освоению выделяемых для этих целей средств.

3.(...) Ответственность за организацию и результаты производственно-хозяйственной деятельности, соблюдение законодательства, защиту прав и интересов нижестоящих партийных организаций возложить на ЦК компартий союзных республик, республиканские, краевые, областные комитеты партии, руководителей партийных учреждений. Рекомендовать им создавать в установленном порядке хозрасчетные подразделения (малые внедренческие предприятия, фирмы и т.д.) по организации этой деятельности.

4. Создать фонд инвестирования производственно-хозяйственной деятельности, направив на эти цели часть страхового запаса денежных средств партии.

Разрешить Управлению делами ЦК КПСС использовать в 1991 году до 600 млн рублей на выделение ЦК компартий союзных республик, республиканским, краевым, областным комитетам партии с учетом финансового положения партийных организаций и готовности к осуществлению производственно-хозяйственной деятельности, поручив им принимать решения о порядке использования выделяемых средств и обеспечения их возвратности».

Этот текст можно было бы оставить вовсе без комментариев, так как, принявшись за них, легко впасть в соблазн комментировать до бесконечности. Однако без пары «замечаний на полях» все же не обойтись.

Во-первых, обращает на себя внимание дата принятия постановления: «11 июля 1991 года», то есть за месяц с небольшим до августовских событий. Во-вторых, не может не вызвать вопросов секретность документа.

Конечно, любая партия, будь то КПСС или республиканская партия США, имеет право хранить конфиденциальную информацию подальше от посторонних глаз и ушей. Однако в данном случае речь идет о финансовых интересах и имущественных правах по меньшей мере 18 миллионов членов КПСС, не говоря уже об интересах и правах десятков миллионов беспартийных тружеников страны, за чей счет и создавалось все партийное богатство. Это им адресован гриф «секретно», а вовсе не номенклатуре, которой и предписывается все имущество распределить среди своих.

И наконец, в-третьих, получается, что в самый разгар «новоогаревского процесса», призванного, как клятвенно обещалось, «заложить прочные основы обновленного Советского Союза», партийная собственность втихаря уже поделена и осталось только поделить государственную. В том, кто именно будет делить, сомнений нет: союзно-республиканские номенклатурные кланы.

Как говорится: угадajte с трех раз, кому все достанется.

В день принятия процитированного документа Коммунистическая партия Советского Союза, по сути дела, перестала существовать как единая организация. Оставалось найти, или, при необходимости, создать повод для ее публичной ликвидации, смоделировав ситуацию, которая бы вызвала в народе шок и смятение.

И повод был создан. Августовский «путч» по прошествии полутора десятков лет очень смахивает на хорошо подготовленную спецслужбами операцию прикрытия. Вовлеченные в нее массы народа, танки на улицах Москвы, Ростропович с автоматом, воодушевленная толпа у Белого дома — все это не более чем инсценировка, смысл которой не улавливали даже многие из главных действующих лиц. Так или иначе, цель была достигнута: термидорианский переворот стал свершившимся фактом при поразительном, на первый взгляд, равнодушии подавляющего большинства россиян. Последнее обстоятельство невозможно объяснить ничем, кроме как мудрой проницательностью моих соотечественников, разглядевших или почувствовавших за всей выпяченной риторикой тех дней вульгарный номенклатурный междусобойчик.

«Народ России сделал свой выбор в пользу демократии — выбор осознанный и окончательный», — заявил по прошествии полутора десятка лет президент Путин. Ой ли? На основании чего такая уверенность? Молчаливое безразличие не есть доказательство выбора. Хотя — слава богу! — никто не пошел на баррикады защищать Горбачева или КПСС, указ о роспуске которой генсек и подписал под унижительную диктовку Ельцина и аплодисменты Съезда народных депутатов России. Тех самых депутатов, которых тот самый Ельцин через каких-то пару лет расстреляет из танков.

Дележ Советского Союза по национально-номенклатурным уделам, ажиотажное растаскивание государственного богатства, расстрел российского Верховного Совета, чеченская бойня и многое другое, чем болела и продолжает мучиться страна, — только последствия термидора.

Великая русская революция завершилась, хотя ее полный цикл еще только ждет своего окончания. Она не была октябрьской, так как произошла в феврале 1917 года, а октябрь стал месяцем большевистского переворота, важнейшего, как принято сейчас говорить, судьбоносного, но, строго говоря, (это признавал и Ленин) лишь одного из этапов революционного процесса. Однако ей не суждено было стать и социалистической. Потому что, по Марксу, а именно на него опирались и его именем клялись большевики, затеявшие октябрьский переворот, социализм — это общественный строй, при котором средства производства принадлежат работникам, и каждый из работников вправе распоряжаться

и частью полученной прибыли, и своей долей в основных фондах предприятия. За всю же послереволюционную историю ни один советский труженик не только не имел такого права и таких возможностей, но самая попытка этим правом воспользоваться поставила бы его за черту закона. Государственная же собственность на средства производства вовсе не идентична общенародной или социалистической. Она — продукт капиталистического развития и, как форма собственности, типична для подавляющего большинства современных капиталистических государств.

Можно ли принять за истину слова, сказанные в 1936 году Сталиным, о том, что «социализм в Советском Союзе победил окончательно и бесповоротно»? Сейчас даже задаваться таким вопросом и глупо, и смешно. А ведь и тогда, и десятилетия спустя это утверждение в массовом сознании людей даже не ставилось под сомнение. Наверное, слишком очевидной казалась незыблемость якобинской диктатуры советского Робеспьера, как и явные успехи в деле модернизации страны, превратившей еще вчера патриархальную крестьянскую Россию в мировую индустриальную державу.

Сталину, очевидно, тогда было крайне важно по чисто тактическим соображениям выдать все это за «успехи социализма». Потому что провозглашение «полной и окончательной победы» отделяло от революции всего-то два десятка лет, и для Сталина не было ничего более важного, как создать иллюзию преемственности целей, пусть мифологизированных и иллюзорных, октябрьского «социалистического» переворота с вполне конкретными результатами его политики.

Но сегодня-то мы знаем и цену, которую пришлось за эту «победу» заплатить, и конечный результат «коммунистического строительства». Тогда к чему разговоры о том, что вот-де Россия «пошла по тупиковому историческому пути», почему комплексуем из-за того, что, как нам говорят, и то мы делаем не так, и это не этак? В России никогда не было социализма. И строительства коммунизма — тоже. Поэтому термин «посткоммунистический», введенный, очевидно, для обозначения некоего исторического пространства, в котором нам выпало счастье жить, имеет отчужденный камуфляжно-пропагандистский смысл подведения «черты под прошлым»: мол, сегодняшняя российская элита не имеет ничего общего со вчерашней. На самом же деле в новейшей истории России не было никакого коммунистического прошлого. Была Великая Русская революция, якобинская диктатура советского Робеспьера-Сталина, которую сменила диктатура термидорианской номенклатурной элиты и, наконец, осуществленный ею в своих же интересах номенклатурно-буржуазный термидор.

Понятно, что и исторического тупика, в который якобы угодила Россия, тоже не было. Ее исторический путь — прямой, выверенный и уже тореный: от революции к термидору. А далее?

Глава IV

ДОРОГА БЕЗ РАЗВИЛОК

«Мы не знаем общества, в котором живем», — эту фразу, обретенную как-то Андроповым в его бытность Генеральным секретарем ЦК КПСС, сегодня часто вспоминают и цитируют. Любопытно, что делают это по совершенно разным поводам. То — как доказательство тупиковости социализма. То вдруг нынешние власть предержащие по-андроповски сетуют на незнание настроений и чаяний сограждан, которыми взялись управлять в ситуации для них вроде бы совсем не тупиковой, а ясной как божий день.

Причем понятно, что и во времена «развитого социализма» и сегодня, когда над Россией встает солнце долгожданного капитализма, и генсек Андропов, и президент Путин, оба — выходцы из одной «конторы» — никак не могли пожаловаться на скверное информирование. Уж кто-кто, а бывшие кагэбэшники просто обязаны организовать процесс подготовки необходимых сведений. И наверняка справками и донесениями по самым разным проблемам и аспектам общественной жизни их обеспечивали и обеспечивают исчерпывающе, полностью и своевременно.

Мне кажется, причина посещавшей наших лидеров растерянности не в дефиците информированности, не в недостаточном знании общества, в котором мы жили и живем, а в непонимании места в системе исторических координат, в котором оказался Советский Союз и по сей день находится Россия.

Андропов, при всем цинизме кадрового спецслужбиста, полагал, что он возглавляет общество «развитого социализма», строящее коммунизм.

Путин, обладающий, как можно предположить, не меньшим профессиональным цинизмом, считает своей задачей вывод страны из «исторического тупика» на столбовую дорогу человечества.

При этом и Андропов не мог, и у Путина не получается взять в толк, почему прикладываемые для достижения поставленных целей недюжинные усилия всей «королевской рати» государственного аппарата дают столь ничтожный эффект. А дело, может быть, в том, что и тот и другой неверно рассчитали исходные позиции, хотя один намеревался «преодолеть социализм ради коммунизма», другому нужно преодолеть тот же «социализм», чтобы выгрести к капитализму.

А на самом деле оба они застряли в рядышком стоящих фазах одного и того же исторического процесса — российского термидора.

Не будь Андропов столь «номенклатурным», он неминуемо пришел бы к тому, к чему пришел его собрат по борьбе против мирового империализма Мао Цзедун.

То, что нам и по сей день в терминах агитпропа рассказывают о китайских «догматиках», вроде бы из-за пустяков ополчившихся на кремлевских «ревизионистов», очень напоминает гоголевский сюжет о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Мол, то ли Хрущев Мао, то ли Мао Хрущева в сердцах за рюмкой водки обозвал «гусаком» — и все: великой дружбе народов — конец, вражда до гроба!

Рискну утверждать, что разногласия между КПСС и компартией Китая имели причиной не борьбу за абстрактную «гегемонию в мировом коммунистическом движении» и уж тем более не обиды и амбиции партийных лидеров, а гораздо более серьезные, принципиальные основания.

Разногласия начались после известного доклада Хрущева на XX съезде КПСС с «разоблачением культа личности Сталина». Вскоре после этого китайские товарищи, убедившись в окончательном разрыве кремлевских коллег с якобинской диктатурой, обвинили их в «ревизионизме», «буржуазном перерождении», «предательстве дела социализма» и прочих смертных грехах. Слово «термидор» при этом не произносилось, но суть происходивших в Советском Союзе процессов, похоже, китайцы уловили точно. Прагматик до мозга костей, Мао и не думал вступаться за порушенную «светлую память отца народов». Для него важнее было сделать практические выводы из безостановочного соскальзывания Советского Союза в термидор. И они были сделаны, явившись миру в форме «великой пролетарской культурной революции».

Это со стороны казавшееся самоубийственно-бессмысленным, диким и варварским истребление юнцами-хунвэйбинами элиты страны по своей сути было нечем иным, как вырубанием под корень, избиением и всеобщим, тотальным и радикальным искоренением своей собственной китайской номенклатуры, которая конечно же зародилась, росла и жила по образу и подобию советской и которая, как понимал Мао, после его ухода — естественного или насильственного — неминуемо приведет китайскую революцию к термидору. Результат — я не имею в виду загубленные жизни, порушенные судьбы, все, что в совокупности смело можно отнести к разряду преступлений и национальной трагедии, — под результатом я подразумеваю реальный уровень достижений общества на определенном этапе его развития — известен. За время, истекшее с начала

российских реформ, когда в повестку дня поставлена задача удвоения ВВП в ближайший десяток лет, ВВП Китая вырос в шесть раз, что вывело страну в лидеры мировой гонки по динамичности социально-экономического развития, сделав ее одной из крупнейших и влиятельнейших мировых держав.

Наполеон однажды заметил: «Величие державы определяется численностью населения и национальным доходом». Определение — странное для человека, от которого ожидаешь описания того же величия числом пушек, силой кавалерии и качеством командного состава. Однако, пораскинув мозгами, приходишь к выводу, что данное им определение и сегодня остается справедливым и исчерпывающим. По этой формуле, у Китая с его полутора миллиардным населением и нынешними темпами развития перспективы более чем впечатляющие.

Остается только гадать: стало ли это результатом того, что Мао удалось прервать роковую цепочку алгоритма: революция — Робеспьер — термидор — Бонапарт — Ватерлоо на этапе «термидора», или все происшедшее — лишь временная отсрочка термидора, и тогда неизбежное явление китайского Бонапарта сделает все завоевательные походы Чингисхана не более чем детской прогулкой в скверике у дома.

Вот, собственно, и весь «китайский путь реформ». Если кто в России по нему тоскует и сетует на то, что наша страна не пошла «китайским путем», а это, как правило, представители все той же советской номенклатуры, то они должны понимать, что ценой этого пути должна была стать их собственная жизнь, как это было в Китае.

Впрочем, разговоры на тему «китайского пути» вполне бессмысленны. Потому что точка невозврата Россией уже пройдена. Шеф КГБ Андропов, став генсеком, может, и мучился вопросом, в каком обществе он живет, однако из всех его деяний осталось лишь одно достойное упоминания перед лицом истории. Он приблизил к вершинам власти мало кому известного периферийного номенклатурщика. Этот карьерный аутсайдер, ставший вскоре главой великой державы, — некто иной, как Горбачев.

История любит говорить с нами языком символов и парадоксов. Наверное, потому, что других способов привлечь наше суетливо рассеянное внимание у нее попросту нет. Иногда даже кажется, разгадай их, намотай выводы на ус и, глядишь, что-то еще можно будет поправить, избежать ошибок, чреватых катастрофами, сделать нашу жизнь хоть чуть-чуть более осмысленной, а наше будущее — прогнозируемым.

Но, похоже, это не про нас. Нам предлагается лишь один сценарий русской истории. Ведь это у революции сто путей, а у термидора одна дорога.

Смею утверждать: о революции августа 1991 года не может быть и речи хотя бы потому только, что революция — это всегда радикальная смена правящей элиты. В нашем же случае этого-то как раз и не произошло. Напротив, советская номенклатурная элита, легализовав свои «вдруг образовавшиеся» капиталы, подкрепила административную власть властью экономической, не понесла при этом никаких потерь. Даже те ее представители, которые, казалось, в августе 91-го все поставили на кон, проиграли и стали банкротами, сегодня заседают в правлениях банков и наблюдательных советах различных акционерных обществ, стали президентами фондов с туманными названиями и еще более туманными источниками финансирования, то тут, то там всплывают в качестве советников и консультантов при денежных или властных тузах. Раскройте «Список абонентов конфиденциальной городской телефонной связи» — нынешний московский справочник «для служебного пользования», аналог советского «вертушечного». Казалось бы, за последние пятнадцать лет вся Россия перевернулась вверх тормашками: совсем другая жизнь, другая политическая, экономическая, социальная и прочие реальности. Оно и понятно, расстолковывают мне: «демократическая революция в корне все поменяла». А я листаю странички от «А» до «Я» и вижу, что коренные перемены коснулись далеко не всех. Вот — Горбачев, а вот — бывший вдохновитель ГКЧП, он же глава КГБ Крючков, вот — исполнявший обязанности премьер-министра России Гайдар, а вот — бывший заведующий отделом ЦК КПСС, а ныне главный оппозиционер Зюганов, вот — бывший председатель Совета Министров СССР Рыжков, а вот — кумир и надежда всех униженных и оскорбленных Жириновский.

Я представляю себе человека, попавшего в ту же Москву году эдак в тридцатом прошлого века и взявшего в руки телефонный справочник тогдашней советской элиты, который наверняка уже существовал все с той же пометой «ДСП» — для служебного пользования, и обнаружившего в нем мирно сосуществующих Троцкого и Деникина, Сталина и Керенского, Махно и Бухарина. А на букву «Р» он тут же обнаруживает номер телефона Романова Николая Александровича — того самого, бывшего самодержца. Могу вообразить и реакцию этого человека: по крайней мере, временное помешательство ему было бы гарантировано.

У меня нет тоски по социальным катаклизмам и кровавым потрясениям вселенского масштаба. Однако когда я вновь и вновь слышу о революции 91-го года, о том, что «народ России выбрал свободу», я понимаю, что мне морочат голову. Не о революции идет речь, а о термидоре. И те, кто его осуществлял в собственных инте-

ресах и к собственной выгоде, то есть все та же номенклатура, мнением народа и не интересовался, хотя и использовал его «втемную», организуя всякие «национальные фронты» и «демократические движения» для создания собственного политического алиби.

Без него не обойтись, коль скоро речь идет о преступлении поистине всемирно-исторического масштаба: уничтожении великой державы и умыкании государственной собственности в размерах, сопоставимых с годовыми бюджетами иных, совсем не бедных, стран. Об этом написаны горы книг, газетных и журнальных статей. И ко всему этому вроде бы и добавить нечего, кроме одного. Я все о том же: главная заслуга в разрушении СССР принадлежит не ЦРУ и не его «агентам влияния», сколько бы их ни было, не НАТО, не римскому папе, какой бы харизмой он ни обладал, не диссидентствующей интеллигенции, пусть даже осененной авторитетом нобелевского лауреата Сахарова, не «национальным фронтам», деятельность которых зачастую контролировалась профессиональными провокаторами из спецслужб. И уж, разумеется, не народу, который якобы «сделал свой выбор».

Народ спросили лишь однажды, призвав на референдум в марте 1991 года, и он вполне осознанно и недвусмысленно высказался за сохранение Советского Союза. Однако это его мнение никак не вписывалось в разыгрываемый номенклатурой сценарий. Куда больше в то время ее интересовал исход развернувшейся кулуарной битвы между «центром» и союзными республиками. Призом в борьбе за «перераспределение полномочий» была несметная собственность и неоскудевающие денежные потоки.

Вряд ли стоит ожидать, что в ближайшие годы подробности и детали тогдашних переговоров номенклатурной верхушки станут достоянием гласности. Однако коль скоро за прошедшее с той поры годы нам в родной России уже не раз приходилось наблюдать, с каким ожесточением «перераспределяются полномочия» — а, попросту говоря, делятся власть, собственность и деньги, — то можно с полной уверенностью предположить, что точно так же было и тогда. Тем более что развернувшиеся затем события это полностью подтверждают.

Очень вовремя, как на заказ, подвернувшийся августовский «путч» с последующей чередой пафосно утверждаемых суверенитетов сделал переговорную тяготию между членами Политбюро излишней. Дискредитированный до обвинений в попытке «установить фашистскую диктатуру», морально уничтоженный «Центр», даром что олицетворял собою все тех же партийно-хозяйственных номенклатурщиков, затеявших дележ «полномочий», был уже неспособен выполнять даже эту чисто декоративную роль. «Цивили-

зованный развод», оформленный как перевоплощение Союза Советских Социалистических Республик в Содружество Независимых Государств, стал результатом термидорианского переворота, совершенного номенклатурой — правящим классом СССР. Этот класс, порожденный якобинской диктатурой Сталина, им ненавидимый и изничтожаемый, благодаря им же созданному социальному строю выжил и после смерти советского Робеспьера вошел в полную и абсолютную силу.

Идеологическим прикрытием этого процесса и стала официально насаждаемая версия о якобы совершенной народом «бескровной революции», в ходе которой распад «советской империи» был провозглашен благом для всех и каждого и объявлен «минимальной ценой», которую пришлось заплатить за избавление от тоталитарного «коммунистического» режима, и возможность «вернуться в лоно некогда покинутой цивилизации».

Оно и понятно: войти в историю бесстрашным революционером вроде Че Гевары куда как романтичнее и привлекательнее, нежели предстать номенклатурным прихлебателем, обеспечивающим алчное начальство, а заодно и себя, любимого, кусками украденной государственной собственности.

Как бы мне ни хотелось в этих заметках избежать оценок процесса, названного «приватизацией», «разгосударствлением собственности», — от них не уйти, потому что говорить об этом, пользуясь исключительно и только подобными эвфемизмами, невозможно. А ни в одном языке мира не сыскать лишенных моральной и эмоциональной окраски синонимов слов-понятий: «воровство», «грабеж», «преступление», «убийство».

Уничтожение великой державы, вошедшей в мировую историю и во многом определявшей ее ход, под именем Российской Империя, а затем Союз Советских Социалистических Республик, можно описать лишь языком античного эпоса. Никакие статистические выкладки, никакие социологические исследования, ни тем более, «жалкий лепет оправдания» людей, к этому причастных, не могут воссоздать подлинную картину и масштабы трагедии. Термидор в России обернулся Апокалипсисом.

Пока несмышленные граждане оторопело разглядывали бумажки приватизационных чеков (так они, кажется, назывались), за каждую из которых им посулили аж две «Волги», в гигантской стране, по уровню экономической мощи считавшейся второй в мире, обвально рухнула практически вся промышленность. Под ее руинами была похоронена и вся социальная сфера — медицина, пенсионное обеспечение, система образования и дошкольные учреждения. Люди, десятилетиями хранившие свои сбережения в государственной сберкассе, в одночасье лишились всех своих на-

коплений. Подобные «преобразования» можно, конечно, называть реформами, но что тогда называть катастрофой?

Однако ошибаются те, кто возлагает ответственность за все происшедшее на Гайдара, Чубайса и Ко. Они — лишь исполнители, рискованные и по-своему талантливые. Коллективным заказчиком бедствия, разумеется, была советская номенклатура, которая, хоть и подвергалась на словах остракизму и поношению, на деле активно участвовала в дележе наиболее надежных источников прямого и быстрого обогащения. Воровали все и вся: золотые прииски и пароходства, телевизионные каналы и заводы, нефтяные промыслы и издательства. Не завалялись объекты помельче и подешевле: магазины, бани, дворцы культуры, кинотеатры, мастерские и пр., и пр.. Сбылось гротескное пророчество незабвенного Райкина: «На чем сидишь — то и имеешь!» Поскольку в Советском Союзе на всем «сидела» номенклатура — она все и поимела. Сегодня, пятнадцать лет спустя после приватизационного штурма, семьдесят процентов так называемой российской элиты — это либо те же бывшие советские номенклатурщики, либо люди, так или иначе с ними связанные родственными и иными «своискими» отношениями.

В Англии, где традиции рыночной экономики насчитывают несколько веков, самыми богатыми людьми вдруг оказались Абрамович с Дерипаской, чьи состояния наглядно демонстрируют возможности молниеносного обогащения российской элиты. И что интересно, те полтора процента населения России, которые и составляют «победители капиталистического соревнования», поразительно близки к вычисленной нами ранее величине номенклатурной прослойки советского общества. И на простое совпадение это никак не похоже.

Термидорианский процесс создания в России «класса собственников» сопровождался небывалым, 16-кратным ростом преступности, которая, словно цунами, обрушилась на страну. Под контролем банд и мафиозных группировок оказались целые регионы и крупные промышленные центры. В одном только Тольятти в год регистрировалось до 300 заказных убийств, то есть по одному ежедневно, кроме воскресений. Притом, что с такими впечатляющими показателями этот большой волжский город, слывший автомобильной столицей России, вовсе не претендовал на звание столицы криминальной.

Стоит ли после этого верить тем термидорианцам, кто ставит себе в заслугу якобы реализованный ими «бескровный переход от социализма к цивилизованному рынку»?